Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОГО МЕТОДА В ПСИХОЛОГИИ

"Вопросы философии". 1977, №7

Оппозиция объективного и психологического описаний событий познаваемого нами мира возникла задолго до самой психологической науки и связана с особым характером тех оснований, на каких возникло вообще научное знание как таковое. Поиск объективного метода изучения психологических явлений лишь воспроизводит ее в обостренной форме. Поиск этот предпринимали многочисленные направления и школы психологии. Он продолжается и сейчас. Ясно, что он имеет не только лишь академический или философско-гносеологический, но и практический, прикладной смысл. Задача данной статьи и состоит в том, чтобы рассмотреть в этом плане методологические основания и предпосылки современных психологических исследований.

Различные варианты решения проблемы объективного и психологического колеблются между двумя полюсами: либо объективность метода достигается ценой отказа от понимания психической реальности, либо сохранение психического достигается ценой отказа от объективности анализа. При этом в обоих случаях психологическое и субъективное отождествляются. В результате создаются трудности и тупики в решении многих вопросов психологии, начиная от частнометодических и кончая определением ее предмета.

Стремление к поиску объективных методов психологического исследования, равно как и потеря веры в их существование порождают в психологии беспрецедентные для любой другой науки по своему разнообразию формы редукции психического. При этом расширяющиеся полезные междисциплинарные связи психологической науки приводят к потере предмета собственного исследования. Именно так возникли и ныне сосуществуют многочисленные варианты редукционизма: нейрофизиологический, логико-педагогический, информационно-кибернетический, социокультурный и пр. Кстати, этот утомительный, хотя и далеко не полный перечень скорее мог бы убедить в реальности душевной Деятельности как таковой и несводимости ее к какой-либо другой реальности просто потому, что таких реальностей слишком уж много. В то же время перечень этот свидетельствует о неистребимости наивных попыток обыденного сознания "искать не там, где потеряли, а там, где светлее". Этому способствуют и некоторые укоренившиеся иллюзии, получившие в психологии силу якобы незыблемых истин. Иллюзии эти тем страшнее, что обычно они прямо не высказываются, хотя и подразумеваются.

В психологии, например, кажется обычным рассматривать любой психический процесс, будь то восприятие, память, мышление, как имеющий предметно-смысловое содержание. Но уже сложнее обстоит дело с протяженностью этих процессов во времени и их пространственностью. Первая сложность связана с тем шокирующим свойством психического, что оно трансформирует время, сжимая его или растягивая и даже заставляя "течь вспять". Поэтому ученые предпочитают временную протяженность психического оставить искусству, которое, впрочем,

неплохо справляется с нею и умеет не только "остановить мгновение", но и показать в нем настоящее, прошлое и будущее. Но основная трудность относится к возможной пространственности психических процессов и их продуктов. Ведь в случае искусства ясно, что стоит нам мысленно лишить, например, изобразительные его жанры пространства, как мы тем самым уничтожим его. Но почему же мы с легкостью необыкновенной проделываем подобную варварскую процедуру с психической реальностью? Нам напомнят, что о пространственности психического в соответствии с декартовым противопоставлением души и тела говорить вовсе не принято. Итак, мы получаем следующую картину. Психическое обладает предметно-смысловой реальностью, которая, существуя во времени (да и то передаваемом в компетенцию искусства), не существует в пространстве. Отсюда обычно и возникает банальная идея поместить эту странную реальность, то есть психическое, в пространстве мозга, как прежде помещали его в пространство сердца, печени и т.п. Ведь обыденному сознанию легче приписать нейрональным механизмам мозга свойства предметности, искать в них информационно-содержательные отношения и объявить предметом психологии мозг[1], чем признать реальность субъективного, психического и тем более признать за ним пространственно-временные характеристики.

[1] В самое недавнее время подобный и, к сожалению, далеко не оригинальный при всей его нелепости вывод был сделан М.М.Кольцовой (см.: "Журнал высшей нервной деятельности им. И.П.Павлова". 1976. Т. XXVI. Вып. 2. С. 235).

Нужно сказать, что подобный ход мысли можно обнаружить не только у физиологов, но и у психологов. Следствием его является то, что в психологии термин "объективное описание" употребляется в качестве синонима термина "физиологическое описание", а "психологическое" – в качестве синонима "субъективное".

Проблема психологического исследования осложняется и тем еще, что в нем чрезвычайно запутано отношение различных уровней языка, на котором мы вообще говорим о психическом. Мы имеем в виду наличную в психологии, как и в каждой науке, систему абстракций, определений, терминов, допущений и теоретических посылок, имеющую различный вид в зависимости от уровня, на котором ведется исследование, и изменяющуюся с каждым новым шагом анализа. Отношение посылок и допущений, связанных с такими переходами, может составлять серьезную проблему, часто не осознаваемую исследователем, хотя он всегда имеет дело с этими системами, а не непосредственно с самой действительностью. Это приходится подчеркнуть, потому что различие предпосылок, допущений, изменение смысла одних и тех же терминов на различных уровнях анализа постоянно дают о себе знать – независимо от того, сформулировали мы их ясным и эксплицитным образом или нет. Так вообще происходит во всякой науке, особенно же в исследованиях жизненной, человеческой реальности.

Дело прежде всего в том, что о человеке, о его мире (социальном, культурно-историческом, психологическом), о том, что, как и почему он в нем делает и что вообще происходит с ним, мы в принципе знаем только из того, что произошло на основании суждений и осознаваемых состояний самого агента действия. Это и ставит с особой остротой вопрос о языке описания. Ясно, что в определенном смысле можно рассматривать события и явления мира как материально (через вещественный результат действия) или идеально (через речь) сообщаемое выполнение или воплощение человеком определенных содержаний и смыслов. Этим сообщенным человек выделяет себя в качестве субъекта, который сам входит в

состав процессов мира. Природа же нам ничего не сообщает, не говорит с нами ни на каком языке. Физик резонно скажет нам, что она ничего такого просто не содержит, что природные явления никоим образом не выделяют себя индивидуально. Ведь нельзя же предположить, что, например, состояние атома экранируется (осознанием) в нем и этим сообщается нам, представляется в качестве явления. А вот в случае живых, наделенных сознанием существ мы именно это предполагаем, даже если в итоге нам удается выделить исследованием нечто отличное от того, как это нечто пережито, осознано, то есть от языка внутреннего ("захотел, чтобы", "почувствовал, что", "увидел, что" и тому подобное, выраженное субъектом или нами "вчитываемое" в него). И как бы далеко мы ни прошли назад во времени, мы не найдем эти существа вне культуры, сознания и языка.

Иными словами, у исследуемой реальности есть еще и язык в самом широком смысле этого слова, и она никоим образом не дана познанию вне его. Эту реальность нельзя в чистом виде наблюдать отдельно от ее же языка, кроме разве что хорошо известных случаев патологической полной реактивности поведения, крайнего распада деятельности и сознания. Любое, самое вынужденное действие или состояние в целостном (а не разъятом на отдельные мертвые функции) поведении человека дано нам в том виде, как оно есть после деятельностно проработанной, рефлектированной части событий. Мы знаем о том, что происходило, через эту часть и после нее – независимо от того, были ли эти психические проработки и сознание всего лишь отблеском какого-либо автоматизма, причинной физической цепи и т.п. или нет.

А нас не могут не интересовать характер источников и происхождение наших знаний. Они интересуют нас в том числе и потому, что внимание к возможному источнику исходного знания, к его границам обнаруживает за, казалось бы, чисто эпистемологическими условиями знания действие и проявление существенного онтологического обстоятельства, радикально исключающего какой бы то ни было эпифеноменализм. Оно состоит в том, что изучаемые события и явления необратимы, что в силу своего экспериментального закрепления в теле живых существ и эволюции (или самообучения) последних посредством этого закрепления мир не может вернуться в прежнее состояние, что невосстановимы и жизненно-информационно потеряны части гипотетической "доязыковой" ситуации. Эти части никаким чудом не появятся и в языке, описывающем события извне, помимо языка самого "эпифеномена". Или же, претендуя на знание их, внешнее описание не будет иметь отношения к происходящему, будет изучать нечто иное, несовместимое с определением изучаемого явления. Это просто вытекает из положения чувствующих или наблюдающих существ в системе природы, частью которой они сами являются.

Мы пока не обсуждаем, что в итоге мы знаем. Пока важно то, как мы знаем, откуда получаем нашу эмпирию. А получаем мы ее необратимым образом. Это часть опытного явления, данного нам в наблюдении или эксперименте (тщательный анализ способов экспериментальных фиксаций обнаружил бы то же самое и в физике). Вообще не может быть опыта, из которого такой механизм образования эмпирических данных можно было бы устранить. А в науке мы ведь строим знание именно о предметах опыта, и никакого другого в ней не может быть. Для психолога даже в первом приближении ясно, что уже в самом нашем объекте мы имеем необратимость, отличающую изучаемые процессы как от большинства физических процессов, так и от произвольных умственных, наблюдательных и т.п. конструкций их субъективного носителя, агента. Без учета этого, проведенного вплоть до самых последних деталей исследования нельзя построить экспериментальную, а не спекулятивную или эмпирически наблюдательную, психологическую науку. Ибо именно необратимость хода вещей, включающих в себя действия субъективности, и

делает эту субъективность реальностью. Познать ее как таковую – единственная возможность для психологии как науки объективно развернуть субъективное и задать его в действиях вещей мира. Иначе нам не пройти сквозь призраки, создаваемые неуловимой внутренней инстанцией, которая отделяет, экранирует нас от фактически имеющего место, от естественного хода явлений и его механизмов, вынуждая или спиритуалистически мистифицировать или же механистически редуцировать эту инстанцию. Природа, ставя перед нами препятствие необратимости, этим же актом открывает нам поле объективности. Только это нужно понимать, "уметь этим пользоваться". И уж, во всяком случае, нужно отличать эту реальность в ее независимости и самодействии от языка, в каком она выражена. Мы имеем в виду различение, пролегающее внутри субъективности, а не между ею и чем-то другим, лежащим полностью вне ее.

Указанное различение, как и предполагаемое им обращение к источнику наших знаний о субъективности, существенны еще и потому, что язык реальной жизни, в свою очередь, описывается в языке же – в языке исследователя, по отношению к которому он не является полностью инопорядковым. И если язык исследователя должен выявить в языке жизни реальные механизмы и ход событий, то успех такого дела предполагает умение четко выделять уровни анализа или уровни языка, видеть факт перехода (не всегда контролируемый) значений из одного на другой. Например, из языка реальной жизни, из его недифференцированной массы совершенно явно тянутся и переходят в язык исследования посылки и допущения относительно его объектов, различные предметные смыслы и операции, истоки происхождения и механизм которых вообще неведомы и которые предстают непосредственно как действительность: "демон меня искушает", "тотем пожелал", "мозг мыслит", "в моей голове родилась мысль" и т.д. и т.п.

Иными словами, мы сталкиваемся здесь с совокупностью наивных, спонтанных "теорий" психики в самом нашем предмете, с действием обыденного сознания, пронизанного субъективными ссылками на свои генеративные механизмы и источники. И, не отличая живую субъективность от ее выражения, от того или иного вида ее самоконцептуализации, от знания о ней, тяготеющих в принципе к субстантивированию ее в каком-либо носителе, инстанции (а то, что такой инстанцией может оказаться "я" со всеми вытекающими отсюда ассоциациями, есть лишь частный случай, исторически реализуемый в рамках психологизированных культур), мы будем строить всего-навсего мифологию субъективности. Эта мифология может быть и научной, ибо в роли указанных "теорий", представлений о том, как возникают мысли, душевные состояния и переживания, мы, исследователи, можем post festum обнаруживать и самые что ни на есть научные продукты мысли, в терминах которых, ассимилированных субъектом вне их собственного контекста и смысла, начинает протекать реальный психический процесс. Известен факт распространения определенного типа психоневрозов после появления психоаналитического учения, именно того типа, который был сконструирован теоретически внутри этою учения. Точно так же субъективная психическая реальность может переживать и выражаться (и в банальных случаях выражается) в терминах любой заимствованной механистической теории, теории "мыслящих машин" или, того хуже, "гибридного интеллекта", вообще любого представления о человеке-машине. В этом случае в наблюдении мы будем получать сведения о том, что "мозг мыслит", о том, что его "батареи разряжены" и что "его нужно подключить к источнику питания".

Но этого мало. Беда еще и в том, что принятые тем или иным образом посылки и допущения, уже осуществленные (например, выбором экспериментального устройства) абстракции переходят в изображаемое и из теоретического сознания

исследователя. И, как это ни парадоксально, неразличенность абстракций может разрушать как раз объективность анализа и изображения. Чаще всего за теориями, возводящими свои расхождения чуть ли не в космически значимое столкновение редукционистской (или "эпифеноменалистской") мысли и разного рода спиритуализма, стоит просто непроясненность самой эпистемологической и онтологической базы того, о чем и как мы вообще что-либо говорим и можем говорить в области исследований психического.

Разъясним это. Разумеется, научный анализ психики не может в своей исходной точке использовать одну очень важную преданную анализу связь и должен разорвать ее. Это стихийно спиритуализируемое сращение между предметами человеческих высказываний, восприятий, мнемических образований, представлений, желаний, мотиваций и их "языком внутреннего", принадлежащим субстантивированной инстанции наблюдения, таинственному внутреннему существу, объединяемому и движимому самопроизвольным чувством непосредственного знания. Но мысль, что можно эти предметы и механизмы полностью знать извне, что можно их четко и раз навсегда единообразно отделить от их внутренних осмысливаний и организации в теле живых существ, реальна только при допущении абсолютного наблюдения. Иными словами, это значило бы приписать Наблюдателю с большой буквы возможность абсолютного сознания, для которого были бы вполне прозрачны и получали бы свое "истинное" значение и вид все психологические состояния, понимаемые, следовательно, Наблюдателем, а не их собственными носителями. Но это именно только допущение, хотя и полезное в массе случаев. Пользуясь им, мы можем производить абстракции в предмете, выбирать именно данные его зависимости, а не другие, исключать действие одних факторов, а действие других представлять в чистом виде, достигая этого, в частности (как, например, в павловской "башне молчания"), и материальной организаций экспериментальной ситуации. Это позволяет контролировать образование слагающих явление сил, позволяет локализовывать и идентифицировать наблюдаемые и другими экспериментаторами воспроизводимые эффекты.

Однако все это возможно лишь до определенного предела. За этим пределом как раз предположение абсолютной системы отсчета лишает нас такого контроля. Дело в том, что в силу необратимости процессов, связанных с использованием информации, в силу особых свойств живых систем, способных в опыте эволюционировать и самоконтролироваться, наблюдение не может быть абсолютным, и не существует такой реальности, пусть даже гипотетической, в которой были бы следы всех событий и к которой мы могли бы обращаться при конструировании теоретических объектов. А раз так, то именно в силу указанных свойств живых систем немаловажно понимание того, что в опытном исследовании мы имеем дело с вербально или каким-нибудь иным способом (в том числе и материальными экспериментальными воздействиями) сообщаемым испытуемому знанием о его же состояниях или их начальных условиях. Но и вербальное и материальное воздействие ведь кем-то организуется и является кристаллизацией его знаний, а не какой-то божественной чистой мыслью. И напоминание о существовании этого "кого-то" не тривиально, если нет абсолютной системы отсчета.

Проблема, таким образом, состоит в том, чтобы понятным (то есть операционально и конструктивно для исследователя разрешимым) экспериментальным устройством контролировать как раз актуализируемые объектом изучения индивидуально-цельные состояния. Неразложимые в терминах абсолютного наблюдения извне они-то и имеют место в эксперименте, не говоря уже о том, что сама жизнь сознательных существ "экспериментальна" в широком смысле этого слова. Поэтому исследовательский эксперимент должен не подменять мыслью исследователя

практику, жизнь объекта, ибо при такой подмене разрушается собственное бытие изучаемого явления и оно в теоретических выводах сводится к функции мысли исследователя, к описанию происходящего в его собственном уме, выдаваемом за происходящее в предмете (нередкий случай не только в психологии, но и в антропологии, лингвистике и т.п.)[2].

[2] Парадоксально, но это и есть редукция объекта к действию чистой мысли, полагаемой, правда, не в самом объекте – в психике, а в исследователе. Но и в том и в другом случае последствия одни и те же в смысле разрушения самих оснований объективного метода науки.

Например, в итоге многолетней истории и физиологических и психологических исследований стало очевидно, что движение, моторная схема не могут быть усвоены – они должны быть построены субъектом. Н.А.Бернштейн в свое время говорил о том, что упражнение – это повторение без повторения. Тщательный анализ рисунка даже хорошо усвоенных движений (в том числе и анализ их задающих, программирующих, собственно фазических и коррекционных компонентов) свидетельствует об их уникальности, своеобычности. Микроструктурный анализ моторного акта показывает, что его биодинамическая ткань неповторима как отпечаток пальца. Это означает, что строится не только моторная схема, но что на основе этой схемы строится (а не просто повторяется) каждый живой моторный акт. И стимульное подкрепление ничего ровным счетом не означает без этой работы, а она не вытекает однозначно из структуры внешнего стимула. В этом смысле условие понятности происходящего, реализуемое по схеме "стимул – реакция", не является, однако, соответствующим существу дела экспериментом. Должны быть еще понятия, относящиеся к указанной выше работе, то есть работе по реальному построению изучаемого действия. При этом замечательно, что это не понятия, описывающие работу "я" (ни "я" испытуемого, ни "я" исследователя). Скорее это "оно" работает, а не "я". Когда мы говорим "оно", это не литературная метафора, это попытка условно указать на факт самодействия всего того, что живет среди вещей, там, в мире объектов, включающих в свое движение также и "испытующие движения", в описании которых и необходимо как-то нейтрализовать почти обязательную для человеческого языка манию персонификаций. В обыденном языке такого рода персонификации неизбежны, но мы говорим о научных понятиях. Иными словами, в приведенном нами примере движение, равно как и психика самостроятся и саморазвиваются. Высаживая семя в почву, мы ведь не пытаемся заменить собой, своим рассуждением ее волшебную органическую химию, то есть представить продукт живой, hie et nunc, организации работы звеном аналитической последовательности вывода. Вряд ли какой-либо биолог сочтет такую работу эпифеноменом!

Сказанное выше о построении движения тем более относится к предметному строению, какое характеризует деятельность в широком смысле слова и, значит, мышление, умение, навыки, эмоции, вообще так называемые психические функции. Конечно, задача науки в том и состоит, чтобы иметь в своем распоряжении (или найти) понятия и термины для той работы жизни, в которой это строение возникает (и каковую в действительности мы и называем практикой, отличаемой от теории и мысли, если, конечно, придать этой категории содержательный смысл, а не обыденный). Но ими неминуемо будут термины особой реальности. Реальность эта, оставаясь субъективной, не поддается тем не менее никакому "языку внутреннего", ускользает от него, отличается от него. В то же время она не может быть сведена к актам, действиям какой-либо чистой "знающей" сущности, к ее умственным построениям. Иначе необъяснимым и даже скандальным "чудом" для

естественнонаучной картины мира была бы, например, точность свободного действия и обеспечивающих его структур (превосходящая, как известно, и точность инстинкта и точность мышления) – как их анализировать, где они возникают, в каком пространстве и времени, в "настоящем моменте" воздействия стимула, а может быть, в повторении таких моментов?

Фактически получается так, что нужно было бы работу, дающую такие структуры, свести сначала к "чистым" ментальным актам, к действиям духовной сущности, а затем – на основе правил научной методологии, которой, естественно, нечего делать с такой неуловимой вещью, – отбросить ее в качестве ненужного и даже абсурдного довеска. Таким образом, мы обнаруживаем и в редукционизме и в спиритуализме действие одной и той же посылки, только с обратным знаком. "Мыслит" ли мозг или же "мыслит" гомункулус – это все различные проекции одного и того же субстанционализма, не говоря уже об антропоморфическом характере подобного рода описаний субъективной реальности.

Но психолог может (и должен) обратить себе на пользу тот факт, что реальность субъективного упорно сопротивляется любым своим концептуализациям. Известна, например, невозможность концептуализировать множество оттенков широкой гаммы эмоциональных переживаний, оттенков, запахов и т.п., а с другой стороны, полисемичность разветвления рядов значений и контекстов обыденного языка. Связь между ними и найденными их (само) выражениями и реализациями всегда в высшей степени условна и вольна. Но это "ускользание" (иногда даже поддающееся усилению в эксперименте) и вызывает все новые и новые поиски, что является условием развития, продуктивности психической жизни, то есть выражением реальности ее функций. Поэтому эта упрямая реальность далеко не просто лишь аккомпанемент к чему-то иному, к каким-то другим еще отношениям, которые считались бы действительными, то есть которые Наблюдатель объявил бы единственно подлинными. Да и что такое в этом случае реальное, то есть происходящее помимо и независимо от состояний познающего субъекта в смысле требований научной картины мира? Ключом к реальному здесь может быть лишь расширенное понятие объективности, способное включить в свою орбиту также и описание предметов, естественные проявления которых содержат в себе отложения субъективно-деятельностных трансформаций действительности. Такое расширение достигается сужением фундаментальных абстракций наблюдения, определяющих место сознательного субъекта в процессах природы, и наложением ограничений на беспредельную, извне задаваемую перспективу (в терминах которой неразложимы как раз основные, интересующие психологию явления)[3]. Иначе объективность превращается в полный субъективизм, объект – в функцию сознания исследователя.

[3] Расширенное таким путем понятие объективности – продукт опыта даже современной физики, не говоря уже о биологии.

К мысли о том, что субъективность есть реальность, независимая от познания ее, от того, где, когда и кем она познается, приводят и опыт истории культуры, наблюдение крупных эпох истории человеческого сознавши. Например, уже экскурсы психоанализа Фрейда в древние мифологические системы культуры показывали, что тысячелетиями существовавшая картина предметов и существ воображаемой сверхчувственной реальности, ритуально инсценируемых на человеческом материале и поведении, может быть переведена анализом в термины метапсихологии. Точнее, она может быть переведена в термины знания механизмов воспроизводства и регуляции сознательной жизни, опосредуемого в данном случае принудительным для человека действием особых, чувственно-сверхчувственных,

как назвал бы их Маркс, предметов. А отсюда и возможность рассматривать последние, наоборот, как объективированную проекцию первых, как вынесенные в реальность перевоплощения их практического функционирования[4]. Это, так сказать, психология без "я", сознание реальной жизни, обходящейся без психологически-субъектного объединения в единстве "я", в персонифицированном агенте действий и состояний. Но за этим языком предметов стоит инвариантное относительно любого языка действие представлений, субъективности (в том числе так называемой "бессознательной") – того же рода, что и за языком инстанции "я", который есть лишь частный (и поздний) исторический продукт, лишь одна из психологий, а не Психология как таковая, с большой буквы. Более того, это как бы самой историей проделанная абстракция, выделение процессов в чистом виде, позволяющее нам узнавать и анализировать функционирование субъективности по предметам внешнего субъекту мира, если, конечно, не считать их просто фантазиями и заблуждениями относительно известного нам строения этого мира[5]. Со времени Фрейда и так называемая историческая психология (И.Мейерсон, Ж.П.Вернан и др.) сделала значительные шаги в этом направлении.

[4] См.: З.Фрейд. Психопатология обыденной жизни. М, 1925; см. также: А.Р.Лурия. Психология как историческая наука // В сб. "История и психология". – М.: Наука, 1971.

[5] Скорее сама мифологическая картина мира может рассматриваться как продукт апостериорной мировоззренчески умозрительной экспликации свойств психики, упакованных в этих внешних культурных предметах, – продукт, сопоставимый, следовательно, не с научной картиной мира, а с задачами регулирования и воспроизводства психики в обществе и индивидах.

Мы не будем дальше вдаваться в эту проблему. Для хода нашего рассуждения важно, что в приведенном примере независимость психических процессов от внутрикультурных гипотез и теорий вновь указывает на их объективность. А это единственно открывает поле научному методу их изучения, поле, совершенно независимое как от обязательного поиска материальных их носителей в мозгу, так и от каких-либо априорно положенных норм, идеалов, ценностей, "человеческой природы" и т.п. Действительные факты противоречат не столько привлечению к анализу субъективных форм отчета (оно может быть весьма разным), сколько абстрактному, интеллектуально воспаренному характеру интерпретаций, свойственных и чистой физикалистской мысли с ее абсолютным эмпирическим критерием истинности, и априористическим теориям. Поэтому сначала Маркс в XIX веке, а затем все хоть сколько-нибудь интересные в интеллектуальном отношении начинания в XX веке полагают практику versus мысль, внося тем самым нередуцируемое явление жизни в сам объект изучения (и, если угодно, живую, а не только лишь логическую основу в познание) и накладывая соответствующие ограничения на "чистоту" мысли исследователя. Эта существенная оппозиция теперь известна всем, но не всегда осознаются ее следствия для психологии: то, что она уничтожает примитивное различение души и тела.

Последовательное проведение ее в психологических исследованиях предполагает принятие того факта, что субъективность сама входит в объективную реальность, данную науке, является элементом ее определения, а не располагается где-то над ней в качестве воспаренного фантома физических событий, элиминируемого наукой, или за ней в виде таинственной души. Говоря, что субъективность "входит в реальность", мы имеем в виду, что она входит в ту реальность, которая является объективной, каузально организованной по отношению к миру сознания, данному нам также и на

"языке внутреннего". Только задав ее в самом начале (так же, как и в биологии явление жизни), в трансцендентной по отношению к "языку внутреннею" части, мы может затем выделить объективные процессы (идущие независимо от наблюдения и самонаблюдения), выделить стороны предмета психологического исследования, поддающиеся объективному описанию в случаях, когда неизбежно и, более того, необходимо употребление терминов "сознание", "воление" и т.п. Потом уже поздно соединять сознание с природными явлениями и описывающими их терминами, и мы никогда в рамках одного логически гомогенного исследования не выйдем к месту, где что-то кем-то мыслится, видится, помнится, воображается, узнается, эмоционально переживается, мотивируется. А ведь и помнится, и воображается, и мыслится, и узнается... Маркс в свое время имел весьма серьезные возражения против созерцательного материализма, которым сознание "берется вполне натуралистически, просто как нечто данное, заранее противоставляемое бытию, природе"[6]. Эти возражения сохраняют свою силу и сегодня.

[6] К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т. 20. С. 34.

Действительно, само понятие физического причинения, фактических зависимостей, детерминистически задающих наблюдаемые проявления отмеченных сознанием действий и состояний, строится в психологии на основе совершенно иной организации теоретических научных объектов, что не только не ведет к выпадению психологии из общего стиля объективного познания, но, наоборот, расширяет, как мы уже говорили, общее понятие научной рациональности.

В свете такого построения сознание, психические интенциональные процессы с самого начала привлекаются к анализу не как отношение к действительности, а как отношение в действительности. Теоретические объекты психологии представляют собой объекты данной, особой действительности. Это можно показать простыми соображениями. В деятельности сознательных существ (как бы далеко на оси онтогенеза мы ни полагали точку сознания в собственном смысле этого слова) речь идет прежде всего об отодвигании во времени решающих актов по отношению к окружающему миру, в том числе удовлетворения собственных органических потребностей. Происходит как бы удвоение и повторение явлений в зазоре длящегося опыта, позволяющем этим существам обучаться, самообучаться и эволюционировать. Психологу независимо от поиска биологических, эволюционно-генетических оснований подобного поведения живых систем достаточно, что такая система отсроченного действия представляет пространство, куда – задолго до итогов процессов, дающих мотивационно, перцептуально, мнемически, эмотивно и т.д. организованный внутренний мир сформировавшегося в своих функциях существа, – вторгаются символизирующие вещественные превращения объективных обстоятельств, дающие при этом вполне телесно, а не субъективно действующие образования, развернутые вне интроспективной реальности.

Эти материализованные превращения, эти психические замещения вместе с физически случившимся или происходящим – и вне рамок классического различения внешнего и внутреннего – являются естественно развивающимся основанием находимого на другом полюсе мира восприятий, переживаний, содержания интенций, симультанных целостностей гештальта, характериологических личностных формаций и т.д. Иными словами, это уже особые цельные (хотя и явно кентаврические) объекты, для исследователя конечные или первичные и рассматриваемые внутри их собственной индивидуальной истории. Они-то и сохраняются во всем последующем функционировании психики как

(порой скрытые) определения, как детерминистические связующие воздействий и побуждений.

Например, психологические исследования памяти и восприятия (в частности, псевдоскопические и инвертоскопические) показывают, что носителями психической детерминации, возможного мира тех или иных перцептивных или мнемических смыслов и значений являются не физически описываемые события внешнего мира (видимые Наблюдателю[7]) и не какие-нибудь их "внутренние преломления", видимые только субъекту. Такими носителями являются вне индивида развернутые деятельностью образования, чувственная ткань, сплетенная квазивещественными превращениями действительности и ставшая органом вычерпывания из нее информации и стимулов. Рассматривая ее в качестве телесного органа, мы можем, следовательно, и сознательно-психические проявления рассматривать как отправления и функции этого органа. Только соответствующие термины относятся уже не к органам чувств, анатомо-физиологическим рецепторам, анализаторам и т.д., а к биодинамической и чувственной ткани предметного тела субъектов познания и действия[8].

[7] К событиям внешнего мира относятся и внутрииндивидуальные физические процессы и состояния; восприятия их действия как психические или осознаваемые находятся вне своего материального субстрата. Маркс в свое время говорил, что глаз, например, воспринимает не отпечаток на ретине, а объективную форму вещи, находящейся вне глаза (см.: К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т. 23. С. 82).

[8] См. исследование А.Н.Леонтьева, А.Д.Логвиненко, В.В.Столина в книге "Восприятия и деятельность". М., 1976.

Оно, можно думать, простирается в особое измерение, или "четвертое состояние", бытия, о котором по меньшей мере можно сказать, что оно не является евклидово-декартовым и явно требует применения понятий сложных гиперпространств, аппарата современных топологий и, возможно, фазовых и еще более сложных неметризованных представлений пространства-времени.

В рамках данной статьи мы не имеем возможности углубляться в этот чрезвычайно важный вопрос о неевклидовом характере предметностей психической реальности, полей, пространств и поэтому оставляем его для дальнейших исследований и размышлений[9]. Пока нам важно подчеркнуть ту мысль, что эти многомерные надстройки природных возможностей человека являются тем каркасом, который вписывает человека в естественноисторический, каузальный, мир. Они несут на себе механизмы мнимостей (кажимостей) ментальной и сознательной жизни. Последние априорно задают некоторые интерпретативно-содержательные смыслы любым конкретным воздействиям и переживаниям. Поэтому и приходится констатировать, что органы, то есть то, о чем мы говорим уже в реальных физических терминах, растут и развертываются в экстрацеребральной и трансиндивидной реальности[10]. Психические события ведь происходят не в голове, как нейрофизиологические события, и тем более они происходят не там, где протекает жизнь отраженных в них содержаний. Психически-субъективное есть некоторое поле, на котором совместно представлены и определенное предметное содержание, ставшее таковым для сознания в зависимости от формирования указанных выше функциональных органов, экстрацеребральных вещественных символизации деятельности и биодинамических ее схем, и субъект познания, общения и действия. И если голова (мозг) и мир будут все-таки в конце концов описаны с предельно возможной детализацией в физических (физико-химических) терминах в реальном

пространстве и времени, то психическое все равно окажется особым срезом и аппарата отражения (мозга) и отражаемых в нем состояний и объектов мира, несводимым ни к тому, ни к другому и живущим в квазипредметном измерении бытия. Это особая реальность, и ее выделение, развертка приводящих к ней превращений действия вещей не могут не иметь значения для поиска детерминаций сознания и психики вообще. Кстати, успех такого рода поиска сыграл бы немаловажную роль и в обогащении интеллектуального и методологического инструментария современного научного познания вообще.

[9] Неподвластность психического евклидово-декартовому пространству не должна быть слишком удивительной хотя бы потому, что даже для описания живого движения, моторного и зрительного полей оказываются предпочтительными топологические категории по сравнению с метрическими. См.: Н.А.Бернштейн. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. – М., 1966. С. 68-69.

[10] Интересно, что даже бессознательное Фрейд логикой дела был вынужден считать метапсихическим (то есть натурально не локализуемым в глубинах индивидуального организма).

Другим примером могут служить более сложные явления личностного формирования целостной жизни индивида. Если, скажем, мы имеем дело с субъектом, у которого врожденный вывих тазобедренного сустава (что само по себе является физическим фактом), то психологически формирующее действие этого "факта" отсылает нас к тому, как он оказался субъективно-деятельно освоен субъектом в совокупности отношений с другими и с собой, как он действует внутри и посредством языка реальной жизни, а не вне его, в чистоте стороннего наблюдения анатомии как физического факта биографии индивида. Только в этом виде органическое нарушение является реальным телом или, если угодно, "органом" жизни, посылающим сигналы детерминации в самые различные психические проявления и личностные свойства ее носителя. И в определенном смысле такая "физика" гораздо ближе определяет психический мир, чем любые свойства нейронов головного мозга и их структур. То же самое относится и к навязчивому и патогенному действию бессознательных представлений, детерминируемых либидинозными телесными (ср. с "чувственной тканью") формациями. Эти формации выявляются психоанализом не из органических повреждений или структуры биологических инстинктов как таковых, а из ушедшей на дно работы субъективности. Они выявляются как существующие в виде совершенно телесной схемы жизненной реальности с ее структурными мнимостями-фантомами, с пространственным расположением этих фантасматических значений и фиксаций. Эти структуры и выступают как конкретные сформировавшиеся органы, "тело" протекания и реализации полового желания – "тело", не совпадающее с анатомическим органом. И они абсолютно объективны по отношению к показаниям и самопредставлениям субъекта; наоборот, эти последние могут рассматриваться как искаженная и извращенная транспозиция первых, как симптом их существования и действия.

Подобные свойства детерминации в области психического, факт включенности субъективности в реальное, от субъекта не зависимое действие мира и необходимость вследствие этого теоретически строить особые объекты (непохожие на физические, но и не психологические в традиционном субъективистском смысле) требуют весьма сложной философской и эпистемологической проработки самих оснований психологического знания. Иначе невозможна теоретическая психологическая наука. Здесь полезно пойти по обычному пути развития

предельных представлений, опирающихся на уже обнаружившиеся свойства предметной области, но доводящих их до мыслимо возможного максимального вида. Этим создается логическое пространство теории, достаточно гомогенный и замкнутый универсум возможного, позволяющий (в принципе) считать описание отдельных эмпирических проявлений данной предметной области полным и единообразным. В нашем случае таким мыслимо максимально доводимым свойством будет, например, уже упомянутая особенность объектов включать субъективность в свое независимое действие, а результаты его развертывать вовне тела индивида.

Психология имеет теоретически дело с особой действительностью таких объектов, а лишь затем с описанием психики и сознания уже путем интерпретации этих объектов. Средствами последней окажутся, в частности, понятия "превращенности действия", "мнимости", "пространственно-временной развертки", "оперативных систем" и т.п., в своей совокупности обеспечивающие независимость от внутрипсихологического языка индивидуального сознания, от ненаучных догадок относительно того, как этот "субъект вспомнил, что", "подумал, что", "захотел, чтобы" и т.п.

От такого теоретического подхода зависит, в частности, что мы будем считать "фактом", "данностью", "эмпирически имевшим место событием", "эмпирически верифицирующей базой утверждении" в исследовании. В этом смысле, например, вывих тазобедренного сустава не является фактом науки о психике, он является таковым лишь вместе с его интенциональностью и развязанной ею работой (а их как раз нужно реконструировать). Точно так же для психологической теории зрительного восприятия не являются фактом длины и частоты световых волн, как не является ее фактом и анатомическое устройство глаза. Речь идет об особой (явно носящей реконструктивный характер) эмпирии, с особыми неклассическими правилами ее данности для теории. И культурологические, и антропологические, и социально-идеологические, и психологические, и прикладные эргономические исследования последнего столетия, сходясь как бы в одной точке, показывают, что конституирующей, первичной формой этой теоретически конструируемой особой действительности субъективного является квазипредметность последнего. А интерпретативной схемой служит выделение именно предметно-практического тела жизни – той единственной внеиндивидуальной реальности, которая обладает свойством включать в себя субъективность в качестве собственного внутреннего элемента структуры и в то же время не быть мыслью, духовной сущностью. Причем использовать эту практическую реальность, интерпретируя через нее теоретические объекты психики и сознания, мы можем, лишь максимально устранив из нее самой термины сознательного целеполагания, планируемых действий и т.п. и рассматривая ее как замыкающую человека не на его цели и их непрерывную сознательную связь со средствами, а на то, какое место он занимает этой своей активностью в объективном движении реальности, в эволюции Вселенной. Деятельностная точка зрения состоит тогда в строгом проведении мысли, что мы деятельностью, ненамеренными и необратимыми последствиями произведенных ею изменений уже помещены туда, откуда приходят к нам воздействия и определения наших состояний, поддающихся затем выражению на "языке внутреннего" (в терминах цели, мотива, осознаваемого состояния, планируемого акта и т.д.).

Разъясним сказанное относительно квазипредметности сознания и ее интерпретативной схемы.

Подход к субъективно-психическому как к некоторому квазипредметному образованию, описываемому с привлечением фундаментальных категорий как

предметно-смысловых, так и пространственно-временных, не может рассматриваться с точки зрения методологии современной науки как совершенно неожиданный. Необходимым инструментом современной науки является создание наглядных моделей понимания (двойная спираль генетического кода, планетарная модель атома, модели электрона, элементарных частиц, небесных тел). При создании подобных моделей, особенно на исходном уровне, используются не только знаковые и математические средства, но также средства аналогового, картинного замещения объектов, наглядно символизирующего все основные связи последних и живущего уже своей, независимой от рефлексии жизнью. Активное обсуждение этой темы в современной методологии науки означает, по сути дела, признание необходимости и конструктивной роли в познании и эксперименте специфических "понимательных вещей", "интеллигибельной материи", визуализированных понятий, которые, будучи видимыми, слышимыми, осязаемыми и т.д. вещами и в то же время артефактами, то есть искусственными созданиями человека, открывали бы пространство доступного для понимания мира.

Придание психической реальности пространственно-временных свойств поэтому не более условно, чем придание ДНК формы двойной спирали, которая является одновременно и видимой вещью и пониманием. И дело здесь не во вспомогательных средствах облегчения процесса представливания, понимания, как это иногда принято считать в методологии науки. Дело в том, что до и независимо от какого-либо научного познания (являющегося лишь специальным и предельно сложным случаем восприятия и понимания мира) так работает наша психика, открывая себе через квазипредметности пространство возможного "мира понимания" и дальнейшего развития в нем (или через него) психических структур.

Возможна аргументация развиваемой мысли и с другой, на первый взгляд неожиданной стороны. Перед современной психологической наукой сейчас поставлены проективные, конструктивные задачи, для решения которых нужны новые средства. Общепризнано, что трудовая деятельность человека в эпоху научно-технической революции стала значительно более сложной, особенно в системах человек – машина. Многие ученые работают в области разработки и оптимизации таких систем, ищут средства синтеза разнородных компонентов – человека и машины в систему. Но если дифференцировать эту задачу, то естественно возникает вопрос: что подлежит синтезу? Рука, глаз, мозг, чистая мысль и соответствующие технические средства?

Специалисты в области психологии труда и эргономики давно работают в других терминах и понятиях, а именно: пространство моторного поля, пространственно-временные свойства зрения, образы, обладающие пространственными характеристиками. Более того, к этим образам применяются и такие термины, как "образ-манипулятор", который в действительности является не образом вообще чего-либо, а практическим заместителем, концентрирующим (комплицирующим) в себе схему действия, где понимание представлено вещественным, непосредственно различимым расположением и пространственными соотношениями "картины".

Большой раздел в современной науке о зрении посвящен формированию образа и действиям с образами. Зрительная картина мира не рождается как пространственная (в качестве образа). Так, слепорожденные, получившие в зрелом возрасте способность видеть мир, сначала видят его непространственным. Такого рода фактов в психологии множество, иное дело, что создание адекватного аппарата для описания пространственных синтезов и флуктуации как бы на грани предметного, а в сущности, непсихологического мира (ср., например, видимый мир и видимое

поле), – дело чрезвычайной сложности и пути его создания лишь едва прощупываются.

Каждый человек имеет множество образов самых различных пространств: пространство комнаты, улицы, города, театра, музея, картины, парка, леса. Но он может их и не иметь, и в этом вся проблема.

Некоторые свободно ориентируются в микроскопическом, в воздушном и даже в пространстве космоса, с легкостью переходят от одного пространства к другому. Далее, неотъемлемой частью наших образов внешних пространств является образ собственной схемы тела, который также чрезвычайно вариативен. Он может включать в себя либо только собственное тело, либо тело плюс орудие (перо, нож, лопату, автомобиль, самолет, космический корабль и т.д.). Эти образы также пространственны, многослойны, динамичны. У субъекта на основе реальных действий создаются именно пространственно-временные конструкции, обладающие как чувственной, так и обязательно биодинамической тканью. И их нужно исследовать и описывать именно в этих терминах и свойствах, которые обычно как раз скрыты от самонаблюдения субъекта, хотя и используются им в высшей степени эффективно в реальной жизни и трудовой деятельности, и в том числе, при определенных условиях, могут служить неосознаваемым источником эмоций, фобий, психотических состояний, галлюцинаций, переживаемых с чувством несомненной достоверности, и т.д.

Скрытость этих свойств (неданность их в самонаблюдении) не случайна. Фундаментальные пространственно-временные формы замаскированы предметно-смысловыми, легко вербализуемыми категориями, которые выполняют ведущую работу в общении. Пространственно-временные формы, входя в чувственную ткань образа, хорошо известны нам как раз практически и освоены нами до развития речи. Поэтому сообщение об этих категориях часто ограничивается указательным жестом, либо они, подразумеваясь, не заслуживают даже жеста.

Эта субъективная непредставленность пространственно-временных категорий и сыграла фатальную в методологическом отношении роль в противопоставлении души и тела, тем более что и Декарту был известен лишь один вид пространства, описываемый в прямоугольных координатах.

Таким образом, мы приходим к заключению, что психическое многослойно как генетически, так и функционально. Субъект действительно удваивает мир, действительно прорастает в "четвертое измерение" своими квазивещественными "приставками-амплификаторами" (со всеми их установками, образами-манипуляторами, мнимостями, фантомальными схемами и т.п.). Но то, что он удваивает его, часто полностью скрывается верхними слоями. Фундаментальные перцептивные категории – пространство, время, движение, форма, цвет, распределение яркостей и т.п. – служат ему практическими ориентирами, фундаментом его практической деятельности и редко становятся предметом рефлексии. Человек как бы перемещается в мир значений и концептов, рефлектирует по поводу верхних слоев построенного им мира, сознательно оперируя предметными образами, знаками, словами, символами, смыслами и т.п., хотя совершенно не подлежит сомнению, что фундаментальные перцептивно-динамические категории, вещественно-смысловые образования, ранее освоенные им, он продолжает использовать в скрытой форме[11]. Но эта скрытость формы, полезная для субъекта, не освобождает психологию от ее вполне сознательного учета и от поиска путей построения этого удивительного мира психической реальности, развития объективных и вместе с тем психологических методов его

исследования. Более того, обращение к этой форме, обратная квазипространственная развертка скрытого, свернутого – это и есть объективное поле любого психологического исследования, тот предмет, о котором мы можем рассуждать в объективных терминах, не предполагающих никаких гипотез относительно актов наблюдения, умозаключения, переживания, вчувствования, совершаемых гомункулосом, находящимся в подчерепном пространстве. Конечно, воспроизвести и переплавить в таких терминах содержание, традиционно ухватываемое психологическими категориями, такими, как "ощущение", "восприятие", "внимание", "воля", "высшие чувства" и т.п., не так-то просто. Тем не менее именно в этом направлении движется перестройка нашего психологического знания.

[11] Хотелось бы подчеркнуть, что выделение психологом этих образований есть не просто указание на очередную область психологических исследований в ряду других областей психического, а выделение зависимости высших, характеризующихся сознательностью и идеальностью слоев от пространственно-временных конструкций практически освоенного слоя реальности. Последний и задает идеальным слоям горизонт, пределы, возможные направления и видения и не может быть в них бесконечно растянут при всей вневременности и внепространственности идеального.

Сказанное выше вовсе не представляет собой лишь программу для построения какой-нибудь воображаемой будущей психологии. Истоки подобного понимания можно найти как в истории физиологии, так и в истории психологии. Современная психологическая наука уже сейчас рассматривает субъективное как род (и ряд) исходных, многократно превращенных (в том числе иногда и извращенных) форм предметных деятельностей, имеющих свое происхождение, развитие, строение. Расширяется и уточняется таксономия единиц психологического анализа деятельности (отдельная деятельность, действие, операция, функциональный блок и т.п.). При этом выделяемые средствами генетического и функционального анализа единицы вовсе не погружаются исследователем в пространство мозга, не переходят плавным и незаметным образом в единицы физиологического анализа. Соблюдаются методологические требования гомогенности, открытости и неаддитивности таксономической системы, в том числе и таксономии единиц анализа психической деятельности[12]. Оказывается эффективным привлечение категорий системного анализа для описания функциональной структуры психических деятельностей. Функциональная структура рассматривается как закон связи между функциональными компонентами исследуемого объекта. В случае анализа психического под компонентами понимаются локализованные в пространстве (реальном, а не мозга) и в реальном психологическом времени активности, то есть направленные действия, операции или иные фазы процесса деятельности.

[12] См.: А.Н.Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность. – М, 1975; Э.Г.Юдин. Деятельность как объяснительный принцип и как предмет научного изучения // Вопросы философии. 1976. №5.

Функциональная структура психического не исчерпывается лишь оперативными деятельностными компонентами. В нее входят в качестве компонентов и другие типы единиц анализа психического, порожденные деятельностью. К ним относятся когнитивные (сенсорные и перцептивные эталоны, образы, схемы, символы, значения) и интимно-личностные (потребности, мотивы, цели, смыслы и т.п.) компоненты. При этом когнитивные и интимно-личностные продукты психического, составляющие в совокупности предметно-смысловые черты его структуры,

характеризуются, так же как и порождающая их деятельность, пространственно-временной определенностью.

Значение пути, который открывается в результате анализа, проведенного на страницах этой статьи, будет легче понять, если учесть постепенно происходящую смену ориентации психологической науки, которая под влиянием запросов практики трансформирует предмет собственного исследования. Эта трансформация состоит в том, что психологию начинают занимать не только процесс и законы отражения мира, но также законы и процессы порождения нового. Естественно, что проблема психического отражения, его рецептивных и транслирующих свойств была и остается фундаментальной. Но справедливо и то, что субъект порождает новые образы, создает новые конструкции, схемы, модели и понятия, что пространственно-временные квазивещественные конструкции обладают и генеративной силой. Процесс порождения нового исследуют разные разделы психологической науки, получившие такие наименования, как психология творчества, продуктивное восприятие, визуальное мышление (ср. Н.В.Гоголь – живописное соображение), музыкальное мышление, психология воображения и т.п.

Эти порожденные психические конструкции (еще до их объективации или фиксации в материале) предстают перед мысленным взором субъекта как вполне реальные, зримые, осязаемые и т.д. образования (ср., например, впечатление кажущегося феноменального движения, которого на деле нет; индукция восприятия дополнительных цветов, на сетчатку вовсе не воздействующих; восприятие послеобраза объекта без осознанного восприятия этого объекта и, наконец, предельный случай – явление Мадонны Рафаэлю). Именно потому они и могут служить основой последующей объективации, экстериоризации, реального воплощения. И здесь не меняет дела форма, в которой протекают эти процессы: под контролем сознания или бессознательно. Более того, видимо, нет принципиальной разницы между психическим отражением и психическим порождением. Отражение -- это то же порождение (и построение) образа и притом такое порождение, которое не имеет конца, так как психические образы обладают свойством открытости. Поэтому созерцание и наблюдение прекрасного, например, и содержат наслаждение сами в себе. Так же и всякое творчество. К сожалению, идеи деятельности слишком часто лишь декларируются и, например, в инженерной психологии, удивительным образом уживаются с идеями приспособления, адаптации, формы которой расчленяются применительно к человеку и социуму на различные виды – от тотальной до индивидуальной.

Перечисленные в предыдущем разделе оперативные, когнитивные и интимно-личностные единицы психологического анализа исследуются современной наукой в известной мере независимо друг от друга. Но практические задачи организации и проектирования различных видов деятельности (учебной, трудовой, спортивной, игровой и т.д.) постепенно приводят к сближению этих различных аспектов исследования психической реальности. Для решения задач проектирования деятельности ключевой проблемой была и остается проблема рассмотрения различных компонентов в единой функциональной структуре, которая проявляет себя и для субъекта и для стороннего наблюдателя как объективная целостность, непосредственное и неразложимое образование. Психология в настоящее время накапливает арсенал методов, позволяющих выделять в этих целостностях их элементы и законы связи между ними, прощупывать эти структуры своего рода зондами, разворачивать во времени. Эти методы получили наименование методов микроструктурного, микрогенетического анализа, которые дополняют и развивают методы каузально-генетического исследования и методы формирования психической деятельности.

Неоценимую помощь в исследовании субъективного и психического оказывают нейрофизиология, психофизиология и психофизика (особенно содержательная в противовес классической). Сейчас найдена достаточно богатая номенклатура объективных индикаторов процессов, реализующих функциональные структуры психики (формирование программ предстоящего действия, его реализации, контроля, фиксации промежуточных или конечных результатов, дальнейшего развертывания деятельности и т.п.). Эти индикаторы устанавливаются при помощи чувствительных методов регистрации движений рук, движений глаз, внутренней речи, участия различных областей мозга. Однако непременным условием продуктивности использования всех этих методов является подчинение их анализу предметностей психической реальности в указанном выше смысле. При этом условии использование такого рода индикаторов позволяет не только верифицировать гипотезы о строении деятельности, типах сочетания конституирующих ее компонентов, но и оказывается также в высшей степени эвристически полезным, то есть служит основанием для выдвижения новых гипотез.

Нужно лишь остерегаться широко распространенного заблуждения относительно того, что-де физиологические индикаторы единственно и дают объективную информацию о субъективных явлениях, протекающих интрацеребрально и доступных интроспекции, и тем самым позволяют якобы контролировать, верифицировать последнюю. На деле, даже когда мы говорим о функциональных органах, эти органы могут быть интерпретированы совершенно различным образом: либо как интрацеребральные образования, либо так, как их понимал А.А.Ухтомский, а именно, что эти органы являются экстрацеребральными как по способам происхождения, так и по способам своего функционирования, что функциональный орган – это всякое "временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение"[13].

[13] А.А.Ухтомский. Парабиоз и доминанта. Собр. соч. Т. 1. – Л., 1950. С. 279.

Нетрудно заметить, что в настоящей статье была сделана попытка развития не только антиредукционистской, но и антименталистской трактовки психического. Несмотря на то, что намерением авторов было как-то представить целостную картину психики, рамки статьи не позволили рассмотреть важнейший круг проблем, связанных с эмоционально-волевой сферой, развитием и формированием личности. Наши рассуждения затрагивали преимущественно когнитивную и исполнительную деятельность субъекта, но в реальной жизни эти виды деятельности неотделимы от его эмоционально-волевой и личностной сферы. Новое знание о мире меняет не только когнитивную сферу, но изменяет и познающего субъекта. Именно в этом содержится залог единства познания (обучения) и формирования (воспитания). Новое знание включает в себя также и то, что на его основании может сделать субъект не только с окружающими предметами, но и с самим собой. И не только может, но и должен сделать именно он сам, самолично. Поэтому нам представляется, что предложенное понимание психического имеет самое близкое отношение не только к проблематике порождения психических состояний и образов, но и к идеалу реализации сознательной жизни как целого и в конечном счете порождения человеческой личности. Именно последнее является главным предметом и объяснительным принципом психологической науки. Иначе может получиться так, что мы научимся понимать в психике все что угодно, но перестанем в отличие от художников, писателей, старых мудрецов-афористов понимать человека.

ПОСЛЕСЛОВИЕ В.П.ЗИНЧЕНКО

("Постнеклассическая психология". 2004, №1)

В конце 1976 г. Александр Романович Лурия попросил меня защитить его от идеологических нападок физиолога М.М.Кольцовой и обязательно опубликовать ответ на ее статью (см. выше: сноску 1 в тексте статьи) в журнале "Вопросы философии". Я решил, что сделать это с философом М.К.Мамардашвили будет сподручнее. К счастью, он согласился. Значит, повод к написанию был внешним! Когда мы написали статью, и наш друг и редактор журнала Г.С.Гургенидзе прочел ее, то он предложил привлечь к авторству Алексея Николаевича Леонтьева. А.Н. тоже, к счастью, бегло просмотрел статью и подписал ее, чем сильно облегчил (а по сути – обеспечил) прохождение статьи через суровую редколлегию журнала. В январе 1977 г. была готова верстка статьи, и она должна была появиться в февральском номере журнала. И тут А.Н. внимательно прочел верстку и призвал нас с Мерабом к себе. Он сказал, что сейчас самое время начать работать над статьей. Мы согласились и встречались 7 или 8 раз в его доме по субботам. Работа состояла в чтении, понимании и редактировании каждой фразы статьи. Каждый "сеанс" заканчивался обильным обедом, которым нас угощала хлебосольная Маргарита Петровна – жена А.Н. В конце апреля состоялся последний сеанс. Все трое подписали исправленную верстку. Прощаясь, А.Н. спросил, на кого подействует статья? Ответил Мераб: "Статью замолчат. А подействует она на молодежь, которая решит, что можно думать и писать и так, как написана статья". А.Н. спросил, будет ли критика? На что Мераб ответил, что критики не будет, так как критики не смогут подняться до уровня авторов. На этом вопросы А.Н. кончились, но на следующий день он позвонил Г.С.Гургенидзе и попросил снять свою фамилию. О мотивах мы могли только догадываться. Спрашивать не стали. Правда, после выхода статьи, по инициативе А.Н. состоялось ее вполне доброжелательное обсуждение (хотя недоумений и вопросов было много) на факультете психологии МГУ.

Статья вышла в июле 1977 г. и в день 75-летия А.Р.Лурия я ему ее показал. Через месяц его не стало.

Если бы сегодня был жив Мераб Константинович, думаю, он не стал бы возражать, чтобы мы посвятили новую публикацию старой статьи светлой памяти Александра Романовича Лурия – ее инициатора.